

«НАШЕ НАСЛЕДИЕ»

ЖИЗНЬ БЕЗ СВЯТЫНИ¹

Ильин И. А.

Жизнь без святынь есть первое большое бедствие нашего времени.

Незаметно лишается наша жизнь святынь. Порой мы даже не подозреваем, когда это начинается и как это происходит; и вдруг – свершилось. Многие из нас этого не замечают. А если вдруг замечают, то немало удивляются и даже печалются, так как никто не хотел этого и не может сказать, как стал этому виной. А вина-то как раз заключается не в деянии, а в небрежении и упущении: мы не сумели, не захотели взлелеять в себе противоположное – *духовную полноту и глубину жизни*.

Ведь наша жизнь имеет свой *сокровенный, высший смысл*. Он – не на поверхности повседневности и мелочной суеты. Он не притязает и не принуждает. *Он хочет быть желаемым*: свободно сформулированным, искомым, найденным, обладаемым и тщательно оберегаемым. Он требует от нас непринужденного признания и решительного предпочтения. Только тогда он раскроется нам легко и щедро, наполнит собою нашу жизнь. Если же мы не удовлетворим этому требованию, не отзовемся на его запросы, искания и надежду на поддержку, тогда ускользнет от нас высший смысл жизни и наступит незаметно осквернение ее. И не потому, что она станет бессмысленной сама по себе, а потому, что мы *начнем жить так, как если бы она была бессмысленной*. В реальности все останется прежним, точнее – извечным. Все – от капли дождя до грациозной серны, от птичьего щебета до тихой материнской любви, от северного сияния до героической смерти исповедника – все остается полным смысла, дивно устроенным, субстанциально насыщенным, проникнутым Божиим дыханием. Все в самом себе укоренено, все останется Божественным текстом, начертанным священными письменами; все есть Божья ткань, сотканная из нитей мудрости; все суть таинственная музыка, выдержанная в чистой тональности и раскрепощающей душу гармонии. Но мы, уже не знающие более об этом, а точнее – *не желающие знать*, ведем себя так, словно *сорвались с цепи и пустились во все тяжкие*. Мы уже не разбираем

этот текст; мы разорвали вечную ткань; мы стали глухи к этой музыке. Результат стал очевидным: мы извратили наше существование. И вся наша жизнь стала пугающе фатальным недоразумением, «трагедией ошибок»; стала *субъективно бессмысленной, пошлой и мертвой*, уподобляясь то прозябанию жалкого существа и отродья, то вялому сползанию вниз, то полному банкротству, то хаотической свалке.

И уже ничто для нас Божественная предначертанность природы и истории; ничто светящаяся глубина духовной культуры, теперь она для нас то же, что «сущий мрак»; все для нас никчемно и невесомо, как опавшая сухая листва, как летающий по ветру уличный сор. Мы становимся жесткими и бесплодными, но высокомерными и одержимыми страстями; нами же лишенная Божественности Вселенная кажется нелепой, издевательски насмехающейся над нами.

Следовательно, существует своеобразное «качество» человеческой жизни и соответственно ему – своеобразное «измерение» ее, масштаб и критерий, с которыми мы должны считаться. Этот критерий никоим образом не адекватен таким критериям, как религиозная правоверность, мораль, искусство, истинность знания, лояльность закону. Его, скорее, следовало бы назвать критерием *духовной значительности*, в данном случае – пустоты, *осквернения* жизни.

Это свойство можно охарактеризовать и поточнее: оно зарождается там, где духовный принцип в человеке засыпает или иссыкает, и означает, таким образом, *бездуховность* жизни. Оно начинается там, где человеческое *легкомыслие*, и не подозревающее пока о глубокомыслии, наивно и безответственно скользит по житейским волнам. Оно начинается там, где мелочность жизни становится, во всей ее близорукости и плоскочувствии, сувереном. Таким образом, оно начинается с *религиозной тупости* и усиливается тогда, когда это религиозное отупение становится *самоуверенным и надменным*, окончательно укореняется в человеке и обретает отпечаток *самоапологии*. Тогда оно воспринимает себя как нечто верное и умное, выстроенное в определенное «мировоззрение».

Это мировоззрение не просто безбожно – в религиозном аспекте оно тупо и вызывающе. Не зная ничего о духе, оно издевается над ним. Оно неромантично, иронично, сухо, бесцветно; словом –

¹ Печатается по изданию: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1998. Т. 8. С.345 – 350.

пустыня. А еще о нем можно сказать, что оно донельзя трезво, механично, материалистично. Если же взглядеться в его картину мира, то получается такое ощущение, что все краски Вселенной поблекли и стушевались; что птички умолкли и замертво свалились с неба на землю; что над универсумом гуляет нескончаемый, вечный самум¹, который замел все глубины таинственного, лишил святого все существующее. И в этом пустынном, заброшенном Богом пространстве началась упорная, жестокая «война всех против всех», которой не видно конца. Значит, жизнь осквернена, и эту скверну придется изжить до конца. ...

Эта лишенная святого пошлость может ко всему примазаться, во всем укореняться; а там, куда она проникает и где ширится, вырождается все – как в отдельном человеке, так и в жизни целых поколений. Овладевает она, к примеру, душой верующего. Тогда его *религиозность* постепенно мельчает, становится педантичной, амбициозной, суеверной, лицемерной, –уподобляясь психозу насилия и страха, богоотвергнутому ханжеству. Проникает эта пустота в *искусство* – и оно тут же забывает о своем высоком и глубоком призвании; его провидческое созерцание тускнеет, его мудрость угасает; оно потворствует пошлomu зуду вождельний, покорствуеt формалистическому снобизму, становится служанкой в политической сфере жизни. Измельчавшая *наука* обретаеt чрезмерную самоуверенность, считаеt, что все на свете можно объяснить механистическим способом, и тем самым опускаеtся до немыслимого уплощения, до крайнего упрощения. Лишенная священного покрова *мораль* становится сухой, принудительной, бессердечной и лицемерной. Лишенная священного *политика*

Превращаеtся в погоню за личным успехом и властью, в открытую войну интересов и очень скоро становится безыдейной, творчески бессильной и тоталитарной.

Так проявляется в жизни лишенная святыни пошлость...

Это осквернение охватывает все сферы человеческой жизни. Но особенно опустошительно оно в *любви*. Бездуховность человеческой любви превращаеt ее в элементарную потребность естества, самовольно заявляет о себе, своевольно «требует», бесцеремонно и бесстыдно дейстует и безответно угасает. Бездуховно заключенный брак не сулит ни верности, ни счастья, ни жизнестойкости, ни

¹ Сухой горячий ветер.

здорового воспитания. Лишенный святости брак начинается с мальчишеских проделок, терпим или даже поощряем в публичных домах и находит свое завершение в открытом распутстве и распаде семьи.

Лишенное святости *мышление* становится зыбким, скользящим по поверхности вещей. Оно уже не ищет целесообразности, уже не имеет «убеждений». Истинность и достоверность ему уже не свойственны абсолютно. Вместо этого оно культивирует выгоду и ударную аргументацию своих возможностей – как это было свойственно когда-то греческим софистам или римской риторике. Для ученых такого сорта мысль – не служение, а, скорее, способ достижения личного успеха, ставка на выигрыш в азартной игре – за деньги получишь и власть. Эта лишенная корней мышление придает всей жизни оттенок авантюры и по сути своей аморально. О настоящей реальности оно и знать не желает, а потому в своем мелкотемье безответственности и релятивизма доходит до цинизма и нередко, увы, до примитива.

Лишенная святости *воля* – это социально опасная сила. И чем сильнее эта сила в личности, тем опасней человек. Нездержанный и развязный стремится к власти любой ценой, использует все способы, исходит все пути, пуская в ход все средства, вплоть до лицемерия, клеветы, лжи и массовых казней. И чем тоньше носитель этой воли, тем изощреннее его борьба за жизнь, тем ярче его способность обойти препоны уголовного права, тем успешнее манипулирует он пробелами и недочетами правопорядка, тем «выше» поднимается он по ступенькам жизни, тем ущербнее его влияние. Именно эта дурная воля подрывает и подтачивает демократию, именно она провела в жизнь идею тоталитарного государства. Но своего последнего слова эта лишенная святости воля еще не сказала.

Незаметно наша жизнь утрачивает священное. И процесс этот начинается с незначительных упущений и небрежений и заканчивается грандиозными кризисами и потрясениями. Первоисточником же этих опасностей является бездуховное воспитание детей.